

«САМОВЫРАЖЕНИЕ» ИЛИ ПРОТЕСТ?

«На сцене аллея. Двое переодетых полицейских избивают человека. Приближается английский писатель.»

Человек. Помогите!

Английский писатель. Может быть, это как раз то, что вам необходимо, но я должен самовыражаться.

Человек. Помогите!

Полицейские бьют его ногами.

Английский писатель. Поверьте, мне это не нравится так же, как и вам. Но я должен следовать моей интуиции художника.

Человек (*выплывая выбитые зубы*). Что ж, это и есть истинный критерий вашей творческой индивидуальности?

Избиение продолжается.

Английский писатель удаляется под сень струй, чтобы писать стихотворение о муравьях.

Занавес.

Что это? Отрывок из очередной пьесы так называемого «театра жестокости»? Нет, Это всего лишь драматизированный ответ поэта Адриана Митчелла, одного из участников анкеты, предложенной ряду английских писателей журналом «Лондон мэгэзин». Редакция журнала задала, по существу, один развернутый вопрос:

«В большинстве стран Европы и Америки писатели оказываются вовлеченными в те или иные формы выражения общественного протеста. Чувствуете ли вы, что вам как английскому писателю важнее самовыражение, нежели практическое участие в создании общественного мнения?»

Иными словами, считаете ли вы, что в постоянных спорах о расовых и классовых проблемах, о насилии, войне, финансовом положении, то есть о том, что решающим образом определяет нашу жизнь, писатель должен участвовать в качестве полемиста, или вы убеждены, что только лишь интуиция — истинный критерий творческой индивидуальности?»

Прежде всего симптоматичен и заслуживает внимания сам факт обращения такого респектабельно-консервативного ежемесячника, как «Лондон мэгэзин», к подобному рода вопросам. Очевидно, появление этой анкеты можно непосредственно связать со все возрастающей в странах Запада политической активностью масс. Прогрессивная общественность Англии часто выступает против политики правящих кругов. Свидетельства тому — многочисленные демонстрации протеста против войны во Вьетнаме, очевидное недовольство попытками правительства Вильсона прийти к «полюбовному» соглашению с режимом Смита, резкая отповедь возмутительным откровениям парламентария-расиста Энока Поуэлла.

Как будто все эти проблемы и имеет в виду «Лондон мэгэзин». Но в том, как сформулирован основной вопрос анкеты, заключено, на наш взгляд, ложное противопоставление. «Самовыражение» писателя противопоставляется «созданию общественного мнения». Читателю, воспитанному на традициях русской и советской литературы, которые немислимы без органически присущей им высокой гражданственности, это противопоставление должно показаться странным и искусственным. Однако не следует забывать, что в Англии еще в первой четверти нашего столетия наряду с эстетикой крити-

ческого реализма развилась и приобрела влияние модернистская эстетика Вирджинии Вульф и группы Блумсбери. В. Вульф призывала писателей, отойдя от решения социальных проблем, углубиться в свой внутренний мир. Несмотря на то, что принципы построения романа, которые были разработаны В. Вульф, оказались малоэффективными и ни один английский писатель в своей художественной практике им не следует, ее теоретические воззрения на творчество как на некую независимую от жизни общества область применения человеческого духа время от времени вновь проявляются в высказываниях «высоколобых» английских интеллигентов. Хотя с тех пор как В. Вульф обнародовала свою программу, прошло без малого полвека, сакраментальный вопрос: «Как же писать — самовыражаться или создавать общественное мнение?» — все еще ставится перед английскими писателями. Решают они его по-разному, но все же подавляющее большинство не сомневается в целесообразности и даже необходимости справедливого протеста против того, что в английской действительности вызывает возмущение.

Однако среди английских писателей, отвечавших на поставленный перед ними вопрос, нашелся все-таки человек, действующий по известному способу: средь бела дня закрыв глаза и доказывая окружающим, что наступила ночь. Именно такова система убеждений, используемая Кингсли Эмисом. Начав с порции традиционной для определенных политических кругов антисоветчины, он далее с открытым забралом переходит в атаку на своих соотечественников, которые (о ужас!) осмелились высказать недовольство по поводу «государства всеобщего благосостояния». Атака эта ведется так, что стоит привести слова Эмиса целиком:

«...Я имею право прочесть нотацию английскому писателю, который протестует, потому что система, против которой он протестует, в целом хороша. Те же, кто участвует в «выражении общественного протеста», либо негодяи и прохвосты, либо одуроченные ими. Естественно, я протестую против протестов. И буду делать все, чтобы привлечь общественное мнение на свою сторону».

Еще раньше, в 1967 году, Кингсли Эмис публично объявил о своем разрыве с «левыми» со страниц газеты «Санди телеграф» в статье с красноречивым названием «Исповедь экс-радикала, или Почему Счастливчик Джим повернул направо». Любую злобу антикоммуниста Эмис, не долго думая, распространил и на лейбористское правительство, «левизна» которого уже давно вызывает сомнение у рядовых англичан.

«В современных условиях быть антилевым означает быть антилейбористом, — заявил Эмис. — Я мог бы по-иному мыслить, если бы м-р Уилсон сделал то, что должен был сделать и что, я надеялся, он сделает, получив большинство в прошлом году: раздавил бы свое проклятое левое крыло, выставил из лейбористской партии подложники коммунистов, членов парламента, и пригрозил остальным исключением, если они станут коммунистами, объяснив при этом, почему он так поступает». (Подчеркнуто Эмисом.)

В довершение Эмис предложил ограничить доступ в университеты детям рабочих; системе высшего образования в Англии он счел излишне демократичной.

Надо ли напоминать, что Эмис был одним из немногих английских интеллигентов, открыто выступивших с поддержкой американской агрессии во Вьетнаме; в письме в «Таймс» он требовал, чтобы английские войска поддержали американцев.

Откровения Эмиса заслужили резкую отповедь Элена Брайана на страницах еженедельника «Нью стейтсмен». Брайан с полным основанием заметил, что Эмис «не стал ни правым, ни левым, а просто уничтожил свое «я». Что же касается того, насколько Эмис был левым, то и на этот счет Брайан высказывает верное суждение:

«Мистер Эмис, как многие раскаявшиеся грешники, страдает патологической потребностью преувеличивать свои былые провинности, — пишет он. — Собственные описания его деятельности могут создать впечатление, будто он был более верным попутчиком коммунизма, чем нам казалось».

Ироничность этого высказывания совершенно очевидна.

Очевидно и то, что «самовыражения» Эмиса способствуют «созданию общественного мнения», причем крайне реакционного. Но это не мешает ему в ответе на анкету утверждать, будто он, конечно, не «писатель-полемист» и будто все, что он пишет, определяется только лишь его «творческой интуицией».

Мы видим, куда привела Эмиса его «творческая интуиция». Та социальная система, которая казалась достойной сатирического осмеяния Эмису — автору романов «Счастливчик Джим», «Это неопределенное чувство» и «Лига против смерти», сегодня защищается Эмисом с таким пылом, как будто он хочет рьяной службой искупить «грехи» недавних лет. Между прежним Эмисом и нынешним, принявшим из рук покойного Флемминга эстафету откровенно антикоммунистической «Бондианы», — дистанция огромного размера. В анкете «Лондон мэгэзин» Кингсли Эмис, в недавнем прошлом «рассерженный молодой человек», занимает крайне правое крыло и, покрикивая на своих собратьев по перу, стремится доказать недоказуемое: дескать, в нашей доброй старой Англии все в порядке.

Ответы других писателей можно разделить на две группы, в зависимости от того, признает ли писатель необходимым для себя лично участвовать в различных формах «общественного протеста» или он предпочитает от этого права отказаться, считая себя по тем или иным причинам к этому неспособным. Среди последних известный английский романист Энтони Пауэлл. Следует, однако, учесть, что Пауэлл, в теории принципиально отвергающий политическую «завербованность», в одном из своих последних романов «Долина костей» (1964) дал острую критику милитаризма и военщины. Кроме того, Пауэлл говорит только от своего имени и не стремится возвести свои взгляды в канон, как это делает романист и критик Энтони Бёрджесс, который утверждает, что «настоящему писателю не к лицу превращаться в полемиста» и что «политические взгляды не следует связывать с творческой личностью» писателя.

Бёрджессу вторит поэт Майкл Холройд, который тоже против участия писателя в общественной жизни страны. Ход мыслей у Холройда как будто бы самый безобидный: «Чем больше он (писатель) протестует, тем меньше он пишет». Однако далее, развивая эту идею, Холройд добавляет:

«Большинство людей, работающих, чтобы обеспечить свое существование, не могут позволить себе уделять много времени расовым, классовым, половым и интеллектуальным антагонизмам, о которых мы так много читаем, хотя эти антагонизмы могут искусственно раздуться с помощью телевидения и газет».

По Холройду выходит, что протестовать в самом деле ни к чему. Никаких противоречий ни между классами, ни между расами вообще как будто бы специально придумывают газеты и телевидение. Вряд ли есть надобность комментировать подобную точку зрения.

Очень наглядно показывает путаницу в понятиях, царящую в стане противников вмешательства писателя в общественную жизнь, ответ Саймона Рейвена, который считает, что

«создание общественного мнения — не занятие для писателя, его дело — писать».

Но тут же Рейвен, опровергая самого себя, добавляет:

«Если писатель обладает даром полемиста, в его произведениях будут непосредственно выражены его собственные (либо его нанимателя) мнения по политическим вопросам».

Внутренние противоречия содержатся и в дальнейших рассуждениях Саймона Рейвена.

«Поэт или романист,— утверждает он,— должен заботиться лишь о том, чтобы писать хорошие стихи и романы и рассчитывать на справедливую оплату затраченных усилий».

Однако следующая фраза вновь опровергает предыдущую, ибо Рейвен вынужден признать, что и в романах и в стихах политические взгляды писателя все-таки находят отражение, хотя

«назначение художника в том, чтобы доставлять наслаждение, а не обращать читателей в какую-нибудь веру».

Как же быть с лозунгом «полной свободы индивида», провозглашенным уже упомянутым нами Э. Бёрджессом? Как согласуется столь любезная сердцу либерального западного интеллигента «свобода творчества» с наличием без особого ханжества признаваемого Рейвеном «нанимателя»? А что, если «нанимателю» вдруг не понравятся взгляды писателя, откуда же возьмется «справедливая оплата затраченных усилий»? Этот, казалось бы, естественно вытекающий из всех рассуждений Рейвена вопрос у него почему-то не возникает. Что ж, ему можно только позавидовать — как видно, его взгляды всегда счастливо совпадали со взглядами его «нанимателей». Вывод из ответа Рейвена один. Даже те, кто на словах против «завербованности» писателя, по сути не только «завербованы», а просто закуплены своими «нанимателями» на много лет вперед. Как известно, кто платит, тот и заказывает музыку.

Среди тех, кто признает необходимым для писателя участвовать в общественной жизни страны,— маститый либеральный критик и романист Филип Тойнби. Признавшись в том, что он «сам лично давно отказался от участия в демонстрациях, митингах и т. д.», Тойнби оставляет за собой право высказываться по поводу общественно важных вопросов в письменной форме. Что же касается своего художественного творчества, то там никакой полемической направленности он не допускает. Талантливая романистка Айрис Мердок хотя и считает гражданским долгом писателя, «быть может, особенно важным сегодня, активное участие в политической жизни страны», но никак не связывает это участие с творческой деятельностью.

Однако в анкете журнала «Лондон мэгэзин», в которой, заметим, участвовало не так уж много крупных английских литераторов, высказываются и иные точки зрения. Так, например, Элизабет Тейлор верит в то, что можно совместить «самовыражение и создание общественного мнения».

«Когда я оглядываюсь назад, мне кажется, что именно это я и делала и продолжаю делать», — добавляет она.

Еще более определенно высказывается на этот счет прозаик и поэт Рой Фуллер:

«Я не понимаю и никогда не понимал, почему тот факт, что человек является писателем, освобождает его от политической ответственности и от участия, когда приходит необходимость, в политическом действии. Точно так же я верю, что произведения писателя, независимо от того, созрел ли в обществе протест, должны показывать его отношение ко всему, что «решающим образом определяет нашу жизнь».

С этими справедливыми словами нельзя не согласиться. Жаль только, что Э. Тейлор и Р. Фуллер оказываются в меньшинстве. Близки им по духу мысли М. Ричлера, который не видит необходимости противопоставлять «самовыражение созданию общественного мнения», и Ф. Маркуса, который считает, что «взгляды писателя наиболее полно выражаются в его произведениях...» Но в мыслях их ощущается горечь сомнения в эффективности непосредственного участия писателя в общественной борьбе. Так, Ф. Маркус считает, что «слово «протест» ассоциируется сегодня с определенным типом песен, а «петиция» обозначает письмо в «Таймс». М. Ричлер чувствует, что этого недостаточно. Тем не менее он говорит:

«Если бы я жил в Америке, я считал бы необходимым участвовать в демонстрациях и протестовать против войны во Вьетнаме и положения негров».

Конечно, гражданственность наиболее мужественных английских литераторов проявляется не только на бумаге. Известный романист Норман Льюис еще несколько лет назад действием ответил на настоящую анкету «Лондон мэгэзин». Все английские газеты, хотя каждая по-своему, не могли не отметить вызов, брошенный писателем-гражданином американскому империализму: в период широкой эскалации бомбардировок мирного населения Вьетнама Н. Льюис заявил командиру базы американских ВВС, что не считает возможным далее сдавать дом офицеру армии агрессоров. Отвечает он на эту анкету и своим творчеством.

Г. АНДЖАПАРИДЗЕ

В БИТВЕ ИДЕЙ

«И всегда рядом с книгой винтовка на изготовку!» — писал кубинский революционный поэт Мануэль Наварро Лүна. Это не только поэтическая фраза, это и реальная действительность. Буквально не различаясь с оружием, вместе со всем народом отстаивая завоевания революции, бойцы культурного фронта ликвидировали в стране неграмотность, а поэты и прозаики начали создавать литературу новой Кубы.

«Революция, — отмечает журнал «Уньон», орган Союза писателей и деятелей искусств Кубы, — явилась могущественнейшим стимулом для развития кубинской литературы. До 1959 года наша литературная продукция, зачастую достигавшая заметных успехов, все же не была обильной... А ныне, по истечении этих — не столь долгих — лет борьбы и утверждения, наша литература стала более значительной, обогатилась вкладом, внесенным в нее все возрастающим числом писателей. Встреча с новой действительностью вызвала иное восприятие человека и окружающего... Явно заметно стремление наших писателей отобразить новые социальные отношения, противоречия переходного периода, продвижение к будущему — к тому, что мы строим каждый день».

Кубинская литература набирает силы — это бесспорно, однако путь становления ее нелегок, и трудности не ограничиваются «болезнями роста» — понятными и, надо полагать, неизбежными.

Существует «внешний» фактор, с наличием которого приходится считаться.

Потерпев неудачу в акциях военно-экономического характера против революционной Кубы, империалисты активнее пускают в ход оружие идеологической диверсии. В своем идеологическом наступлении они используют всевозможные каналы: нужную им агентуру они находят в кубинской контрреволюционной эмиграции, окопавшейся в США и других странах, и среди притаившихся на Кубе контрреволюционно настроенных элементов, а также пытаются привлечь к себе кое-кого из колеблющихся, политически неустойчивых.

Естественно, в свете всего этого вопросы идеологической борьбы, проблемы решительного повышения идейного уровня литературы — а следовательно и литераторов — приобретают исключительную важность. К этим вопросам в последнее время стали все чаще обращаться и кубинская печать, и руководящие деятели культуры.

Недавно центральный орган Коммунистической партии Кубы газета «Гранма», подчеркнув, что публикуемый материал представляет собой «очевидный интерес», перепечатала из журнала Революционных вооруженных сил «Верде оливо» большую статью